

питаря ¹⁾; всё эти соображенія совершенно излишни, какъ и мнѣнiе, будто вѣнскiй славистъ отозвался на приглашенiе редакцiи „Laibacher Wochenblatt'a“; „Litterarische Nachricht“ является простой перепечаткой изъ 119-го номера газеты „Oesterreichischer Beobachter“, отъ 29-го апрѣля 1818 г. (стр. 637—638). Въ томъ, что эта статья дѣйствительно принадлежитъ Копитарю, нѣтъ сомнѣнiя; знаменитый ученый въ письмѣ отъ 8-го мая 1818 г. спрашивалъ Добровскаго: Quid tu de mea Vukii annunciatione in Austriaco Observatore 29. April 1818? (Источники для исторiи славянской филологiи, I, 438). Замѣчанiя г. Илешича о сербскомъ словарѣ 1790 г. не вполне основательны; вопреки сомнѣнiю автора разбираемой статьи, упоминаемый Добровскимъ и Шафарикомъ „Нѣмецкiй и сербскiй словарь“ 1791 года тождественъ съ изданiемъ 1790 г.,—только въ датѣ у обоихъ ошибка, которую г. Ст. Поваковић (Српска библиографiја, № 105) напрасно приписалъ одному Шафарику.

Въ заключенiе нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ намъ остается сообщить, что вышла вторымъ (первое было въ 1893 г.) изданiемъ (съ измѣненiями) извѣстная хрестоматiя проф. д-ра Jakoba Sketa: Slovenska slovstvena čitanka za sedmi in osmi razred srednjih šol. Na Dunaju, 1906 (уже лѣтомъ 1905 г. эта книга находилась въ продажѣ), 8°, 2 нен.+482+1 нен. стр.; цѣна въ обложкѣ 2 кр. 80 гел., въ папкѣ 3 кроны. Здѣсь собраны отрывки изъ произведенiй словинской письменности, начиная съ Фрейзингенской рукописи и кончая прозой Керника и Мешка и стихами Ашкерца и Зупанчича.

Н. Петровскiй.

Сказанiя о 42 Аморiйскихъ мученикахъ и церковная служба имъ. Издали В. Васильевскiй и П. Никитинъ. Присоединена 1 фототипическая таблица. [=Записки Императорской Академiи Наукъ по Историко-Филологическому отдѣленiю, томъ VII, № 2]. С.-Пб. 1905. 8°, стр. IX+305.

Въ предисловiи къ изданiю, заглавiе котораго выписано выше, П. В. Никитинъ излагаетъ его исторiю. Въ краткихъ чертахъ она такова. Еще „23-го сентября 1898 г. въ засѣданiи Историко-Филологическаго отдѣленiя Академiи Наукъ В. Г. Васильевскiй предложилъ

¹⁾ За четверть вѣка до г. Илешича покойный Маршъ сообщалъ въ своемъ „Jezičnik“ (XVIII, 24): — L. 1818 je poslal v Laibach. Wochenblatt št. 24 svoje poročilo (Litterarische Nachricht. K.) o Vukovih pesnih in o njegovem slovarju“.

напечатать въ изданіяхъ Академіи списанное А. А. Васильевымъ въ одномъ парижскомъ сборникѣ житій святыхъ сказаніе о 42 Аморійскихъ мученикахъ“, какъ историческій памятникъ, имѣющій „большую и при томъ двойную важность“: 1) „оно касается выдающагося событія въ исторіи иконоборческаго царя Теофила, то-есть, взятіе его родного города Аморія халифомъ,—факта, произведшаго сильное впечатлѣніе на современниковъ и отмѣченнаго въ византійскихъ хроникахъ, но безъ точнаго обозначенія года“; сказаніе, списанное А. А. Васильевымъ, важно именно тѣмъ, что въ немъ „точно опредѣляется годъ взятія Аморія, а это много поможетъ установленію запутанной хронологіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Теофила, куда относится и постройка Саркола въ низовьяхъ рѣки Дона“. 2) Редакція сказанія, списаннаго А. А. Васильевымъ, „была воспроизведена въ двухъ славянскихъ памятникахъ: въ Супрасльской Миней XI вѣка и въ Макарьевскихъ Четияхъ Минейхъ“, „греческіе же подлинники статей Супрасльской Миней въ настоящее время тщательно разыскиваются нѣмецкими учеными по вызову академика Ягича“. Самъ В. Г. Васильевскій „по каталогу Владиміра зналъ, что, если въ Московской Синодальной бібліотекѣ нѣтъ той греческой редакціи, которая теперь доставлена г. Васильевымъ,—зато есть другія тоже неизданныя редакціи, изъ коихъ одна, судя по имени автора въ надписаніи, имѣетъ притязаніе на самую большую древность“. По ходатайству В. Г. Васильевского, были изготовлены копіи трехъ греческихъ текстовъ Аморійскаго сказанія, хранящихся въ Москвѣ. Эти три копіи, вмѣстѣ съ копіей еще одного парижскаго текста, переданы были В. Г. Васильевскимъ, въ день его отъѣзда въ послѣднее путешествіе, П. В. Никитину съ просьбой наблюдать за ихъ изданіемъ. Въ Италіи В. Г. Васильевскій предполагалъ „написать краткія вступленія къ текстамъ, объясняющія ихъ значеніе“, рассчитывая дать подробное изслѣдованіе объ ихъ содержаніи по возвращеніи изъ-за границы.

Смерть В. Г. Васильевского положила предѣлъ этимъ начинаніямъ покойнаго, но задуманное имъ изданіе, по счастью, не осталось не исполненнымъ. Въ силу сложившихся обстоятельствъ изданіе измѣнило свой характеръ: изъ работы чисто исторической, какою, надо думать, предполагалъ сдѣлать его В. Г. Васильевскій, оно стало работою историко-филологической, какою сдѣлалъ его П. В. Никитинъ.

Когда П. В. Никитинъ получилъ собранный В. Г. Васильевскимъ и предназначенный имъ для изданія матеріалъ, онъ, „на первыхъ

порахъ“ думалъ ограничиться лишь изданіемъ этого матеріала. Правда, находясь весной 1899 г. въ Москвѣ, П. В. Никитинъ свѣрилъ копіи трехъ синодальныхъ рукописей, бывшихъ въ распоряженіи В. Г. Васильевского, съ оригиналами и убѣдился въ исправности этихъ копій. По нимъ П. В. Никитинъ издалъ три текста, обозначенные имъ буквами АВГ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ намѣчены они были В. Г. Васильевскимъ.

Для изданія парижскаго текста, оставшагося въ бумагахъ В. Г. Васильевского и обозначеннаго П. В. Никитинимъ буквою Е, пришлось, въ виду неисправности его копіи, произвести новое сличеніе съ рукописью *ancien fonds Grec 1476*. Этотъ текстъ Е „представляетъ собою отрывокъ—вторую половину или послѣднюю треть сказанія... Полный текстъ, довольно сходный съ этимъ, былъ уже изданъ А. А. Васильевымъ“. Но и отрывокъ имѣетъ свою цѣнность: 1) потому, что въ немъ передана, повидимому, совершенно точно хронологическая дата мученія, 2) потому, что въ немъ сохранились нѣкоторыя фактическія данныя, отсутствующія въ полномъ текстѣ, и 3) потому, что рукопись отрывка „древнѣе всѣхъ остальныхъ памятниковъ литературы Аморійскихъ сказаній“. Тѣмъ болѣе желательнымъ представлялось отыскать полный текстъ отрывка Е, болѣе точный, чѣмъ текстъ, изданный А. А. Васильевымъ.

И этотъ текстъ оказался въ Ватиканской библиотекѣ (*cod. Palat. Gr. 4*). Онъ положенъ въ основу изданія того Аморійскаго сказанія, которое обозначено П. В. Никитинимъ буквою Δ. Кромѣ того, при изданіи этого сказанія П. В. Никитинимъ были привлечены слѣдующіе источники: 1) изданный по парижской рукописи (1447) Абихтомъ и Шмидтомъ въ „Архивѣ“ И. В. Ягича за 1896 г. отрывокъ сказанія, 2) текстъ Макарьевскихъ Миней сказанія объ Аморійскихъ мученикахъ по славянской рукописи Моск. Синод. библиотеки (992), 3) вышеупомянутый отрывокъ Е, 4) изданіе А. А. Васильева, вновь сличенное съ рукописью *ancien fonds Grec 1534*, и 5) славянскій переводъ, сохранившійся въ Супрасльской рукописи.

Помимо перечисленныхъ четырехъ полныхъ сказаній и одного отрывка сказанія, П. В. Никитинъ включилъ въ свое изданіе и то сказаніе, обозначенное имъ буквою Z, которое напечатано въ *Acta Sanctorum* Болландистовъ. И здѣсь дана не простая перепечатка давно изданнаго, крайне неисправнаго, текста. Изданіе П. В. Никитина построено на трехъ московскихъ (384, 377, 379) и одной мюнхенской рукописяхъ. По напечатаніи текста Z по указаннымъ рукописямъ

П. В. Никитинъ получилъ возможность увеличить бывший въ его распоряженіи рукописный матеріалъ еще тремя рукописями: одной парижской (ancien fonds Grec 1604), сличенной имъ лично, и двумя патмосскими (259, 260), сличенными В. Н. Бенешевичемъ. Варианты этихъ трехъ рукописей оговорены въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ.

Наконецъ, подъ буквами П и Θ издана впервые церковная служба Аморійскимъ мученикамъ по одной московской (295) и двумъ петербургскимъ (Публ. библ. 527, 552) рукописямъ, при чемъ для сравненія съ ними привлеченъ славянскій переводъ службы по рукописи Академіи Наукъ. „Если, замѣчаетъ П. В. Никитинъ, никогда прежде не мечталъ быть издателемъ произведеній церковной поэзіи, я послѣ нѣкотораго колебанія взялся за это занятіе, то сдѣлалъ это больше всего потому, что—какъ мнѣ показалось—на этотъ разъ поэзія служить опорой хронологіи: опредѣляетъ время сложенія древнѣйшихъ Аморійскихъ сказаній“.

Тексты шести сказаній и церковной службы занимаетъ 1—90 страницы изданія. „При установленіи текстовъ, говоритъ П. В. Никитинъ въ предисловіи, я руководился мыслью, что издатель, предназначающій свой трудъ не для легкаго чтенія и не для школьнаго употребленія, не долженъ заслонять фактовъ преданія своимъ ихъ пониманіемъ. Поэтому—не стѣсняясь, конечно, безразличными для средневѣковаго греческаго произношенія мелочами орфографіи и условностями интерпункціи,—я старался давать въ текстахъ лишь то, что находилъ въ рукописяхъ или въ комбинаціи ихъ показаній, а догадки, хотя бы самыя правдоподобныя и даже неизбѣжныя, помѣщать въ примѣчаніяхъ. Если въ такого рода консерватизмѣ я заходилъ иногда слишкомъ далеко, то въ этомъ во всякомъ случаѣ не такъ горько раскаиваюсь, какъ въ томъ, что сдѣлалъ нѣсколько догадокъ невѣрныхъ или ненужныхъ, а особенно въ томъ, что двѣ или три такихъ, измѣнивъ своему правилу, допустилъ въ тексты. Эти и другіе промахи—къ сожалѣнію, не всѣ — оговорены въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ“.

Итакъ, основной принципъ установленія текстовъ—строго консервативный. И противъ правильности этого принципа едва ли кто станетъ спорить, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Но на практикѣ, казалось бы, и самый консервативный изъ читателей текстовъ врядъ ли рѣшился бы упрекнуть издателя, если бы онъ внесъ въ текстъ догадки „самыя правдоподобныя“, а тѣмъ болѣе „неизбѣжныя“, чтенія же,

даваемые рукописнымъ преданіемъ, отнесъ въ примѣчанія подь текстомъ.

Объяснительнымъ примѣчаніямъ въ отдѣльныхъ текстамъ сказаній удѣлены страницы 114—271. Здѣсь дается прежде всего болѣе или менѣе, смотря по надобности, подробное описаніе рукописей, легшихъ въ основу издаваемыхъ текстовъ, устанавливается взаимное отношеніе рукописей (стр. 115—121, 183—187, 233). Затѣмъ слѣдуетъ объяснительный комментарий, о характерѣ котораго П. В. Никитинъ въ предисловіи говоритъ такъ: „очень сожалѣю, что не сумѣлъ сдѣлать объяснительный комментарий болѣе краткимъ. Многое перемѣнилось въ отношеніяхъ филологіи къ произведеніямъ византійской литературы съ той поры, какъ старшій Шлоссеръ говорилъ: „Es liesen sich noch andre Noten zu den Byzantinern machen, als historische, wer würde einem das aber danken“? Но, конечно, этой перемѣны мало для моего оправданія: я долженъ признать, что особенно въ началѣ этой части своей работы недостаточно различалъ между тѣмъ, что было нужно мнѣ, и тѣмъ, чего можетъ искать въ моемъ трудѣ читатель“. Позвоительно думать, что читатели не раздѣлятъ „сожалѣній“ П. В. Никитина на „растянутость комметарія и избытокъ въ немъ утомительныхъ ссылокъ“: если „многое и перемѣнилось въ отношеніяхъ филологіи къ произведеніямъ византійской литературы“ со временъ Шлоссера, и перемѣнилось къ лучшему, то въ этой перемѣнѣ *повинны*, главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ, такіе труды, образцомъ которыхъ смѣло можетъ служить объяснительный комментарий разбираемаго изданія. Благодаря такимъ трудамъ, можно съ увѣренностью сказать, что недалеко то время, когда и византійская филологія станетъ на такой же прочный фундаментъ, на какомъ стоитъ до сихъ поръ классическая филологія, благодаря трудамъ ея славныхъ дѣятелей теперь болѣе или менѣе уже отдаленнаго прошлаго.

Какъ филологъ—классикъ, П. В. Никитинъ, и при составленіи комментарія къ сказаніямъ объ Аморійскихъ мученикахъ, примѣнилъ тотъ же методъ, какой находилъ, а подчасъ еще находитъ и теперь, примѣненіе при *классическихъ* изданіяхъ произведеній древне-греческой и древне-римской литературъ. „Объяснительныя примѣчанія“ П. В. Никитина даютъ гораздо болѣе того, чего могъ бы ожидать и слишкомъ притязательный читатель. Разносторонность и обиліе сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній настолько обширны, что было бы слишкомъ самонадѣянно рассчитывать дать о нихъ хотя бы и болѣе или менѣе

отдаленное представленіе въ краткой замѣткѣ. Поэтому позволю себѣ обратить вниманіе читателя лишь на наиболѣе существенные пункты комментарія, отсылая желающихъ научиться тому, какъ надо составлять „объяснительныя примѣчанія“, къ самому комментарію.

Не говоря уже о томъ, что, при объясненіи cadaго изъ отдѣльныхъ сказаній, дѣлаются постоянныя сопоставленія ихъ между собою, касаются ли эти сопоставленія содержанія или формы, П. В. Никитинъ привлекаетъ такое обиліе указаній на аналогіи, въ построеніи ли фразъ или въ употребленіи тѣхъ или иныхъ выраженій, изъ разнообразныхъ, и не только агиографическихъ, произведеній византійской письменности, что остается только завидовать глубокой въ нихъ начитанности автора. Для примѣра укажу на приводимыя параллели къ выраженію (р. 1, 7): *οἱ νῦν ἡμῖν εἰς διήγησιν προχείμενοι* (стр. 121 сл.), „исходною точкою“ котораго „послужили тѣ (выраженія), въ которыхъ причастіе *προχείμενος* является опредѣленіемъ такихъ существительныхъ, какъ *βίος*, или употребляется въ среднемъ родѣ“; или сопоставленія къ р. 24, 28: *λαμπάδων <καυδήλων> πυρός* (стр. 154 сл.) съ указаніемъ на то, что „сочетанія *λαμπάδες πυρός* и *λαμπάς πυρός* заимствованы изъ библейскаго еллинизма“; или замѣчанія по поводу формулы Златоустовскаго изложенія *εἶδες -- εἶδες*, замѣняемой иногда формулой *ὄρας* или болѣе сложною формулою *βλέπε, ὄρα, ἄκουσον* (стр. 166 сл.); ср. также замѣчанія по поводу формулы *ὀλίγα μὲν -- τῆ ράβδῳ τὰ πλείω δὲ τῷ βίῳ καὶ τῷ λόγῳ χρῶμενος* (стр. 171 сл.), созвучія „*ἐν τε λιμῶ καὶ λοιμῶ*“, созданнаго еще классиками (стр. 224), употребленія глагола *ἀπορρήγνυμι* „о смерти великихъ грѣшниковъ и еретиковъ, особенно иконоборцевъ“ (стр. 242 сл.), полемическихъ прозвищъ: *σαυδοπίστοι, εἰκομῆται, ψευδαλήθειαι, ἀγραπτοδοκῆται* и др., „порожденныхъ ожесточеніемъ борьбы изъ-за почитанія иконъ“ (стр. 157 сл.), повторенія указательнаго мѣстоименія въ заключительныхъ рекапитуляціяхъ, рѣже въ другихъ частяхъ житій и мученій (стр. 258) и т. д., и т. д. Массу примѣровъ приводитъ (стр. 143 сл.) П. В. Никитинъ по поводу выраженія (р. 18, 17) *οὐ γὰρ ἔστιν, οὐκ ἔστιν*, представляющаго очень любимую византійцами фигуру такъ называемой *ἐπαναδίπλωσις* или *ἐπίζευξις* (ср. также его замѣчанія на стр. 152 сл. по поводу усиливающаго *ἕ τι* или *ἔτι*, которое „соединяется не только съ превосходными, но и съ положительными степенями“, чаще всего съ *πολύς*). Дѣлая такія и имъ подобныя сопоставленія, П. В. Никитинъ вноситъ очень щедрю лепту въ будущій толковый словарь *byzantinae graecitatis*, не говоря уже о томъ, что попутно въ дан-

ныхъ случаяхъ имъ намѣчаются различныя вопросы изъ области византійской грамматики и риторики.

Не оставлена, разумѣется, безъ вниманія въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ и реальная сторона сказаній: все, что такъ или иначе шуждалось въ поясненіи, пояснено, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣчанія принимаютъ форму отдѣльныхъ экскурсовъ. Такъ, на стр. 158—165, по поводу выраженія сказанія Г, р. 25, 25 сл. „τοῖς οἰκειαχοῖς τῶν βασιλικῶν спаваρίων ὄντα ἐναριθμοῦν“, данъ экскурсъ изъ области изслѣдованія официальной терминологіи Константиновскихъ придворныхъ уставовъ. На основаніи сопоставленія и разбора отдѣльныхъ мѣстъ этихъ уставовъ П. В. Никитинъ приходитъ къ заключенію, что „эпитетомъ οἰκειαχοί и субстантивированнымъ οἱ οἰκειαχοί могли... обозначаться тѣ дворцовые спаварії (спаоварокандидаты и протоспаварії), которые, не состоя ни въ одномъ изъ отдѣловъ придворной службы, составляли свой особый отдѣлъ спаваріевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, были спаваріями по преимуществу, спаваріями и ничѣмъ больше“. Иногда эти οἰκειαχοί спаваρίοι обозначаются и „голымъ“ терминомъ спаваρίοι, иногда къ нимъ же примѣняется „болѣе торжественный“ терминъ οἱ βασιλικοί спаваρίοι, иногда просто οἱ βασιλικοί, наконецъ, иногда къ этимъ дворцовымъ спаваріямъ придають заразъ оба эпитета οἱ οἰκειαχοί и οἱ βασιλικοί (или οἱ βασιλικοί ἄνθρωποι). „Техническій языкъ у византійцевъ, дѣлаетъ замѣчаніе П. В. Никитинъ, и въ другихъ отношеніяхъ не отличается опредѣленностью и устойчивостью; онъ слишкомъ сильно приноравливается къ условіямъ контекста, слишкомъ многое предоставляет догадливости читателя“. Къ числу такого же рода болѣе или менѣе подробныхъ „экскурсовъ“ относятся примѣчанія на стр. 202—204, 212—214, 215—218 (біографическія показанія объ отдѣльныхъ лицахъ изъ числа Аморійскихъ мучениковъ), 209—210 (ο δρομῆς), 234—238 (объ Евергетидскомъ Типикѣ) и т. д., и т. д. Всѣхъ подробностейъ объяснительныхъ примѣчаній въ краткой замѣткѣ не перечислить.

Въ качествѣ „противоядія противъ отрывочности и разбросанности“ примѣчаній П. В. Никитинъ рекомендуетъ стр. 272—279, гдѣ въ заключительной главѣ предлагается „Хронологія текстовъ, ихъ взаимное отношеніе и особенности“. Главныя выводы этой заключительной главы состоятъ въ слѣдующемъ: „Сказанія В, Δ (въ первоначальной редакціи), Г и церковная служба НΘ принадлежатъ краткому періоду времени между мартомъ 845 года и—примѣрно—июнемъ 847“; „то сказаніе, котораго пространную, болѣе или менѣе близкую перво-

начальной редакцію даетъ текстъ Z, а сокращенную—текстъ A, монахъ Еводій сочинилъ между 867 годомъ и половиной X вѣка, по всей вѣроятности раньше смерти Василя Македонянина, т. е. раньше 887 года“. Что повліяло на ростъ легенды объ Аморійскомъ мученіи и ея литературнаго выраженія? Самыя Аморійскія происшествія: „подвигомъ мучениковъ, этой нравственной побѣдой византійскаго христіанства надъ соблазнами ислама, народное самосознаніе Ромеевъ жаждетъ утѣшиться въ горѣ и позорѣ военныхъ пораженій. Въ ней оно ищетъ залога чашныхъ побѣдъ надъ той силой, съ которой боролись мученики, съ которой и оно продолжаетъ почти безъ отдыха бороться, въ которой чувствуетъ своего непримиримаго, смертельнаго врага. Ихъ военное званіе, даже ихъ число и время ихъ кончины 6-е марта, великая четырехдесятица—само собою вызываютъ мысль благочестиваго византійца, всегда склонную создавать прообразы и знаменательныя сопоставленія, на сближеніе новоявленныхъ мучениковъ современности съ тѣми, которые когда-то въ давніе годы въ ту же четырехдесятицу, лишь нѣсколькими днями поздне, пострадали въ борьбѣ съ изычествомъ. Благоговѣнно и торжественно почиталась въ землѣ ромейской, въ столицѣ и во дворцѣ императоровъ память сорока мучениковъ Севастійскихъ, какъ патроновъ византійской военной силы: теперь къ нимъ присоединились уподобленные имъ, вышедшіе изъ ея собственной среды новые небесные ея заступники и поборники, новые „святые мученики Стратилаты“ — сорокъ два Аморійца“.

Эти настроенія отразились въ первоначальной редакціи сказанія Δ, авторъ котораго „располагалъ значительнымъ запасомъ надежныхъ свѣдѣній“, но въ то же время „старался обогатить и прикрасить свое изложеніе примѣсю заимствованій изъ образцовыхъ мученическихъ енкоміевъ“. Кромѣ того, на этомъ сказаніи (какъ и въ сказаніяхъ В и Г) отразилось „вліяніе тѣхъ ораторскихъ произведеній патристической литературы, которыми прославлены Севастійскіе мученики“ (особенно Василій Великій), а также, въ силу сходства Аморійскихъ происшествій съ исторіей Пегранскихъ мучениковъ, въ немъ замѣтно очень сильное вліяніе мученія св. Арены и его сподвижниковъ. „Не доставало ли автору сказанія Δ (въ его первоначальной редакціи) умѣнья и таланта, или онъ вынужденъ былъ слишкомъ спѣшить своей работой, но ему не удалось совладать съ набранной имъ пестрой мозаикой фактовъ и готовыхъ выраженій и привести къ сколько-нибудь гармоническому единству. Его изложеніе, то чрезмѣрно изысканное,

то до наивности безформенное, часто по той или по другой причинѣ оказывается безсильнымъ ясно высказать мысль автора“. Отъ первоначальнаго текста сказанія Δ сохранились двѣ редакціи, каждая въ нѣсколькихъ изводахъ, причемъ, быть можетъ, и въ основѣ обѣихъ этихъ редакцій лежитъ не первоначальный текстъ, а нѣкоторое его измѣненіе, возникшее, вѣроятно, въ концѣ IX вѣка.

Сказаніе В даетъ достовѣрныя показанія объ историческихъ событіяхъ, о военныхъ дѣлахъ, предшествовавшихъ мученію. Самое мученіе въ этихъ сказаніяхъ изложено болѣе многословно, чѣмъ въ сказаніи Δ, но это именно только многословіе (пространныя рѣчи мучениковъ, элементы чудеснаго, обиліе жестокостей со стороны мучителей). Вѣроятно, авторъ сказанія В пользовался сказаніемъ Δ.

Общая особенность обоихъ этихъ сказаній—сочувственные отзывы объ императорѣ Теофілѣ. Такое отношеніе къ императору-иконоборцу могло быть лишь въ близкое по его смерти время. Потомъ взяло окончательно верхъ другое, противоположное, теченіе; оно должно было отразиться и въ сказаніяхъ объ Аморійскихъ мученикахъ, которые были „ставленниками державнаго иконоборца, довѣренными его людьми, частію его свойственниками“. При такомъ положеніи дѣла надлежало устранить противорѣчивый конфликтъ, неизбежно возникшій въ легендѣ—мученики за вѣру съ одной стороны, близкіе люди къ царю-ересіарху съ другой. И вотъ въ годы, близкіе къ самому мученичеству, авторъ сказанія Γ (Михаилъ Синкель?) „попытался рѣшить эту апологетическую задачу“ въ примѣненіи къ одному изъ аморійскихъ мучениковъ, Каллисту, о которомъ авторъ сказанія Γ имѣлъ особенно обстоятельныя свѣдѣнія. „Прохожденіе военнаго и придворно-военнаго служебнаго поприща, совершавшееся мученикомъ Каллистомъ какъ разъ въ царствованіе Теофила, агіографъ попытался изложить какъ біографію ревностнаго почитателя иконъ, неумолимо преслѣдуемаго свирѣлымъ и коварнымъ императоромъ-иконоборцемъ“. Въ сказаніи Γ поэтому исторія мученика Каллиста—самое главное и самое цѣнное; въ другихъ частяхъ оно даетъ кой-какія прибавленія къ тому, что взято изъ сказаній В и Δ или изъ ихъ комбинаціи.

Сказаніе Ζ, составленное монахомъ Еводіемъ, въ своемъ вступленіи рѣшаетъ прежде и главнѣе всего вопросъ: кто виноватъ въ Аморійской катастрофѣ. Конечно, „иконоборство и послѣдній властный его защитникъ“. Изложеніе взятія Амории въ сказаніи Ζ очень краткое, но съ нѣкоторыми подробностями, въ другихъ сказаніяхъ отсутствующими. Дальнѣйшая идея этого сказанія—показать, какъ

мученики одолѣвають своихъ мучителей „не только силою своей вѣры, но и силою своей діалектики, посрамляющей лжеученія Магомета“. Конечно, эта черта сказанія—плодъ изобрѣтательности его автора, она основана на знакомствѣ его съ трудомъ Никиты Византійскаго, составленнымъ при Василии Македонянинѣ. Еводій монахъ, авторъ сказанія Z, и Еводій монахъ, авторъ канона Іосифу Пѣснописцу († 883), сложившему одинъ изъ каноновъ Аморійскимъ мученикамъ—одно и то же лицо. Еводій—младшій современникъ Іосифа; онъ написалъ свое сказаніе, какъ и Іосифъ свой канонъ—въ одно и то же время, приурочивъ ихъ къ освященію храма во имя Аморійскихъ мучениковъ при Василии Македонянинѣ. Первоначальный эпилогъ сказанія Z сохраненъ текстомъ А. Въ концѣ X вѣка Симеонъ Метафрастъ снабдилъ Еводіево сказаніе новымъ эпилогомъ, подвергнувъ его легкимъ стилистическимъ измѣненіямъ и принявъ въ составъ своего минологія.

Я изложилъ въ сокращенномъ видѣ основные историко-литературные выводы изъ сказаній, полученные П. В. Никитинимъ. Кто желаетъ насладиться основательностью, убѣдительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ скромною осторожностью аргументаціи автора, тому надлежитъ обратиться къ соответствующимъ мѣстамъ объяснительныхъ примѣчаній.

Къ изданію и объясненію текстовъ приложены на стр. 91—113 отрывки изслѣдованія В. Г. Васильевскаго „Супрасльская минея“, найденные при разборѣ его бумагъ. Отрывки напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ они остались: ибо „непростительнымъ самопѣніемъ было бы подправлять или дополнять эскизы мастера“, хотя издатель отрывковъ „Супрасльская минея“ и убѣжденъ, что В. Г. Васильевскій отбросилъ бы нѣкоторыя подробности или измѣнилъ бы ихъ, когда имѣлъ бы предъ собою весь матеріалъ изданія. Эти „подробности“ П. В. Никитинъ не рѣшился оставить безъ оговорокъ: вѣдь „ученая слава учителя русскихъ византинистовъ не нуждается въ такой охранѣ, какою служитъ умолчаніе“.

Получивъ въ послѣдіе отъ В. Г. Васильевскаго вмѣстѣ съ указанными отрывками текстъ трехъ сказаній объ Аморійскихъ мученикахъ, П. В. Никитинъ расширилъ и углубилъ свою работу надъ ними въ такой степени, что, пожалуй, и слова: *πέντε τάλαντά μοι παρέδωκας ἴδε, ἄλλα πέντε τάλαντα ἐκέρδησα ἐπ' αὐτοῖς* звучали бы въ примѣненіи къ его работѣ слишкомъ слабо.

С. Жебелевъ.